

Деревня Лунцзин.

Позади деревни возвышались высокие горы, а спереди текли чистые воды реки. Это было прекрасное, живописное место, уютно приютившееся между горами и рекой.

В тихий послеобеденный час крестьянка лет тридцати на вид, с повязанной синим платком головой и в жуңюнь (кофте с прямым воротником и юбке) того же цвета, вела за руку крошечного ребенка, ростом ей едва доходившего до пояса, прямо в главные ворота дома семьи Шэн.

Здесь же, в деревне Лунцзин, если судить только по внешнему виду, семья Шэн считалась семьей с достатком выше среднего. По всей деревне в живописном беспорядке стояли соломенные хижины да саманные дома, а вот усадьба Шэн представляла собой просторный двор, выстроенный из земли, дерева и кирпича.

У других домов спереди стояли лишь плетеные заборы, так что крестьянский двор просматривался насквозь с первого взгляда. Перед домом семьи Шэн же возвышались массивные ворота и глухие стены, за край которых не уцепиться, даже если подпрыгнуть. Не будь они зажиточной семьей, у них бы не нашлось ни мыслей о защите от воров, ни средств на это.

— Посиди-ка пока здесь, а тетушка зайдет и перемолвится словом с хозяином дома, — крестьянка указала на маленькую бамбуковую табуретку у порога и, не дожидаясь, пока малыш сядет, высоко вскинула ногу и перешагнула через порог в дом.

Малышу было восемь лет. Одетый в короткую рубаху с запахивающимся воротником и грубые холщовые штаны, не скрывающие даже лодыжек, весь серый и перемазанный грязью, он походил на маленького нищего. Его маленькие босые ножки потоптались по желтой земле, но он так и не осмелился подойти и сесть. Худенький и крохотный, ребенок так и застыл на месте, робко осматривая этот большой дом своими глазками.

Если приглядеться к малышу повнимательнее, то, несмотря на юный возраст, черты его лица были на редкость тонкими и миловидными: густые брови, глаза с приподнятыми уголками, как у феникса, с невероятно чистыми и невинными, черными как смоль зрачками, прямой нос с изящным кончиком. Пухлые, красиво очерченные губы немного пересохли от жажды, а в уголке рта виднелась маленькая трещинка. И хотя вид у него был жалкий, это не могло скрыть его природного изящества.

— Ты сама-то подумай, если кому рассказать о твоём поступке, он покажется разумным? А? Шэн Яо тебе не родной, я не прошу тебя относиться к нему как к родному, но ты притащила с улицы первого попавшегося котенка или щенка, чтобы просто отмахнуться от его женитьбы! И ты не боишься, что вся область Цзянчжоу проткнет мне, Шэн Шаоюаню, позвоночник своими тычками в спину?!

Ярость, звучавшая в этом громком окрике, передалась малышу-фасолинке, и его тельце вздрогнуло от страха.

Он невольно вспомнил, как всего два шичэня (4 часа) назад эта тетушка за один мешок зерна выкупила его у торговцев людьми. Тетушка улыбалась так приветливо, и он, конечно же, был согласен пойти с ней. Ведь изначально в их группе было семь или восемь детей, но из-за тяжелых условий в пути одна девочка умерла. Напуганы были не только похитители, он и сам был в ужасе.

Он боялся, что его, как ту маленькую девочку, бросят на безымянном кладбище, где он будет лежать в полном одиночестве, не имея даже соломенной циновки, чтобы прикрыть тело.

Поэтому малыш, с замиранием сердца и затаив дыхание, пытался вслушаться в разговор людей в доме.

В доме на короткое время воцарилась тишина...

Крестьянка, на которую накричали, опустила голову. Но с женитьбой пасынка нельзя было тянуть: в династии Великой Цин еще не бывало случаев, чтобы младший сын обручился, пока старший еще не сговорил себе невесту. Поэтому она все же стиснула зубы и, выдерживая яростный взгляд мужа, заговорила, пытаясь его переубедить.

Голос её по-прежнему звучал мягко и тихо:

— Вышивальная мастерская семьи Дун изначально положила глаз на мое мастерство вышивки, поэтому у них и возникло намерение породниться. Они готовы выдать дочь за человека ниже их по статусу. Разве могу я упустить для моего Янь-эра такой хороший брак?

В девичестве фамилия крестьянки была Фан, имя Хэ, и она была второй женой Шэн Шаоюаня. Тот самый Янь-эр, о котором она говорила, носил полное имя Шэн Янь, и именно он был их с Шэн Шаоюанем родным ребенком.

Мастерская Дун очень ценила вышивальное мастерство Фан Хэ. Мастерская передавала ей узоры, и готовые работы, вышитые Фан Хэ, почти ничем не отличались от эскизов. Господин Дун благодаря этой мастерской стал одним из самых богатых купцов в городке.

У богатого господина было большое дело и большая семья: много сыновей, а дочерей и гэров — и того больше. Уж если даже дочери императора не могли избежать судьбы быть выданными замуж ради заключения мира, то что говорить о дочерях, рожденных в купеческих семьях, — их, естественно, тоже можно было использовать для коммерческих браков.

Господин Дун опасался, что Фан Хэ с ее непревзойденной вышивкой кто-нибудь переманит, поэтому и вознамерился стать с ней сватами.

В династии Великой Цин существовал обычай: если старший сын еще не женат, младший сын обязан проявлять уважение к старшему и не может сговаривать себе невесту. Исключением были, конечно, те, кому плевать на репутацию, но вот сын Фан Хэ относился к тому типу людей в этом мире, для которых доброе имя было важнее всего. Он был ученым, которому в будущем предстояло вступить на путь чиновника.

Поскольку жена была так же нежна, как и всегда, Шэн Шаоюань тоже понизил голос, мягко взывая к голосу разума:

— Но ты не можешь просто подобрать с улицы кого попало и всучить старшему. Если слух разойдется, скажут, что старшему достался нищий, а второму — дочь богача. На что это будет похоже?

Фан Хэ, заметив, что муж злится уже не так сильно, как вначале, с облегчением перевела дух. На самом деле, эту идею ей подкинули невестки. Все они говорили, что с ее точки зрения проявлять пристрастие к собственному сыну — это совершенно естественно и правильно.

— Это всего лишь предлог, чтобы семья Дун узнала, что у нашего старшего уже есть пара.

Через несколько дней мы пойдем к Дунам свататься. Пока дело со свадьбой Янь-эра уладится, до самого торжества пройдет еще года три-четыре. Если старшему этот ребенок не приглянется, потом все переиграем... Я хоть и мачеха, но вы сами подумайте, глава дома, разве я когда-нибудь обделяла старшего?

Задав этот вопрос, она слегка запнулась от подступившего к горлу комка. Она редко спрашивала о таком, но раз уж спросила, то слова её, безусловно, не были пустой бравадой.

Шэн Шаоюань тоже поумерил пыл:

— Когда это я говорил, что ты обделяешь старшего? Стоит сказать тебе пару слов, как ты тут же разводишь сырость.

Фан Хэ опустила голову, прикрывая лицо и утирая слезы.

— Разве я не должен был сказать? Разве ты не поспешила с этим делом? Если слухи действительно поползут, неизвестно еще, что люди будут говорить о тебе, как о мачехе.

Как только Фан Хэ услышала это, она поняла, что сердце мужа смягчилось, иначе он не стал бы беспокоиться о том, что о ней скажут другие.

— Пусть говорят! Не верю я, что в этом мире не найдется ни одного рассудительного человека. Янь-эр и старший выросли вместе, он с малых лет уважал брата и почитал старших. Я поговорю об этом со старшим по душам. Не прошу, чтобы он понял меня, свою мачеху, я лишь прошу его пойти навстречу Янь-эру, пойти навстречу своему родному брату.

Шэн Шаоюань, следуя за мыслью жены, задумался:

— Второй по характеру пошел в тебя — честный и простодушный, всегда уступал старшему. Как ни крути, он старшему родной брат, как же тот может не пойти ему навстречу?

В его глазах и Шэн Яо, и Шэн Янь были одного семени. Жена пожертвовала своей репутацией ради родного сына, к тому же, это не значило, что они совсем махнули рукой на старшего.

Поэтому Шэн Шаоюань перестал упрекать жену и начал обдумывать брачные дела старшего сына.

— Но свадьбу старшего ни в коем случае нельзя пускать на самотек. Раз уж у него, можно сказать, есть пара, свахе будет неудобно переступить наш порог...

Фан Хэ поспешно подхватила:

— Я понимаю. Ему и говорить не придется: как только с браком Янь-эра все решится, я тут же начну хлопотать за старшего и подыщу ему девушку из хорошей семьи.

Она так спешила, что привела малыша, но при этом прекрасно понимала: пасынок с детства был себе на уме, они не были близки, и он ни за что не примет устроенный ею брак. Вместо того чтобы искать кого-то примерно того же возраста в той же деревне, а потом позволить пасынку создать проблемы и разорвать помолвку, что создаст неловкую ситуацию для обеих семей, лучше было найти добродушную маленькую нищенку.

Девушку...

Худенький малыш-фасолинка, стоявший во дворе, поджал губы. От него все равно бы

отказались, ведь с самого рождения у него под пупком была красная родинка: он был шуан'эром, маленьким гэрмом.

Что до человека по имени Шэн Яо, о котором они говорили, то первым его впечатлением было то, что этот человек — такой же ребенок, оставшийся без матери, как и он сам. У них обоих не было родных матерей, а значит, больше некому было о них позаботиться. Они были товарищами по несчастью.

Но Шэн Яо повезло в жизни больше: у него был отец, да и мачеха его, не выглядела плохим человеком. В конце концов, будь его собственная мама жива, она бы тоже ставила его на первое место.

А значит, тетушка, которая заботится о будущем своего родного сына, наверняка будет хорошо относиться и к пасынку.

Обсудив всё с Шэн Шаоюанем еще немного, Фан Хэ вышла наружу. Увидев, как малыш жалко стоит на том же месте, опустив маленькую голову и глядя в землю, а его слегка приподнятые плечи выдают растерянность и напряжение, она с покрасневшими глазами улыбнулась ему.

— Голоден?

Малыш-фасолинка сухо сглотнул слюну и едва заметно кивнул. Он был слишком послушным, не смея ни солгать, ни промолчать — торговцы людьми вбили в него страх.

Фан Хэ не была похитительницей и не собиралась его бить. Она лишь сказала:

— Идем, тетя даст тебе лепешку.

Малыш-фасолинка, ступая босыми ножками по желтой земле, послушно пошел за ней.

За пределами тени от крыши, земля обжигала ноги под палящим солнцем, но земля во дворе дома семьи Шэн была мельче, чем снаружи, и не колола ступни. Он подумал, неужели он теперь всю жизнь будет жить в этом дворе? Не нужно будет бояться, что торговцы людьми продадут его в веселый дом и не нужно будет страшиться, что, заболев в пути с похитителями, он останется без лекаря и умрет прямо на дороге.

Фан Хэ вошла на кухню. Рядом с разделочной доской стояло плетеное лукошко, накрытое тонким слоем белой хлопчатобумажной марли от комаров. Она откинула марлю, достала желтоватую пшеничную лепешку и протянула ее маленькому человечку.

— Ешь. Иди посиди у двери и поешь.

Малыш-фасолинка, держа лепешку размером почти с его собственное личико, вышел из кухни, сел на ступеньки под карнизом и стал откусывать от нее крошечными кусочками.

Видя, что всю дорогу до этого момента он вел себя очень смирно, Фан Хэ не стала закрывать дверь кухни. Обойдя кроху, она вернулась в дом. Ей нужно было найти какую-нибудь одежду, из которой уже выросли дети, и успеть до возвращения Шэн Яо отмыться и приодеть маленького гэра.

Шэн Яо было четырнадцать, а Шэн Яню — двенадцать. Оба они учились в академии в уездном городке. В академии давались выходные дни — каждый десятый день полагался отдых. Обычно оба они возвращались домой на следующий день. Через два месяца должны были наступить

долгие каникулы посвященные выдаче зимней одежды. Как говорится: «В седьмом месяце убывает жар, в девятом — раздают теплую одежду». Эти каникулы длились целый месяц.

Но на завтрашних коротких выходных двое мальчишек смогут побыть дома лишь два дня.

Фан Хэ, перекинув через руку две вещицы, вышла из комнаты и тут же столкнулась с двумя невестками, вернувшимися с полей.

— Этот ребенок у дверей — тот самый, которого ты привела? Сидит там, уплетает лепешку...

— Старшая невестка, а ты быстра на руку. Только позавчера я словом обмолвилась, а сегодня ты уже привела в дом будущего фулана-воспитанника...

Фан Хэ хлопнула по одежде в руках и была вынуждена остановиться, чтобы перекинуться с ними парой слов и предупредить, чтобы они не болтали языками на каждом углу.

Из-за этой заминки дети, вернувшиеся вместе с невестками, успели окружить малыша-фасолинку. Среди этой стайки детей старшей была десятилетняя дочь Фан Хэ — Шэн Сюэ, а самому младшему на вид было года три-четыре.

Слегка пухлый мальчуган указал на малыша-фасолинку пальцем:

— Ты почему в нашем доме? И не нашу ли лепешку ты ешь?

У малыша-фасолинки был полон рот еды, он раздул щеки и даже не смел больше жевать. Глядя на этого мальчишку, который был ниже его ростом, но при этом крепеньким и пухлым, он послушно кивнул.

Увидев, что тот кивает, пухляш тут же закричал во весь голос:

— Мама! Мама! Тут кто-то украл лепешку и ест!

Шэн Сюэ легонько хлопнула двоюродного брата по затылку:

— Не кричи, это моя мама ему дала.

Пухляш протянул: «А-а», — и перестал звать маму.

Дети очень доверяли Шэн Сюэ, но они были слишком малы, чтобы задуматься: вторая двоюродная сестра все время играла с ними в поле, откуда же ей знать, что происходило дома?

В семье Шэн мальчики и девочки учитывались по старшинству отдельно. У Шэн Сюэ была старшая сестра — то есть у Шэн Яо была родная старшая сестра от тех же отца и матери по имени Шэн Ин, которая уже вышла замуж. Поэтому Шэн Сюэ считалась второй по старшинству и звалась «второй двоюродной сестрой».

— О, — пухляш снова и снова возвращался к одному и тому же вопросу. — Ты почему в нашем доме? И почему моя старшая тетя дала тебе лепешку?

Рука малыша-фасолинки, державшая лепешку, опустилась на колени. Его большие глаза от волнения распахнулись еще шире; этот маленький человечек с детства запомнил слова матушки о том, что воровство — это дурной поступок.

— Не... не украл, я не воровал, — с заминкой объяснил он.

Но пухляшу ответ уже был неинтересен. Этот незнакомый ребенок казался очень робким и не представлял никакой угрозы, поэтому он просто протянул руку и забрал обратно свою домашнюю лепешку.

Малышу-фасолинке в ту же секунду стало до ужаса обидно. Он был слишком мал и решил, что своим поступком пухляш признал в нем вора. Но ведь это было не так: лепешку вложила ему в руку добрая тетушка.

Едва Шэн Яо вошел в главные ворота, он увидел толпу детей, столпившихся у дверей кухни. Ему было четырнадцать, и он не очень-то любил возиться с малышкой. Изначально он лишь вскользь бросил туда взгляд, но этот чернявый и тощий ребенок, сидевший на ступеньках, с глазами, полными слез, и скривившимся маленьким ротиком, уголки которого жалобно подрагивали, опущенные вниз, выглядел до того жалко, что просто сил не было.

И Шэн Яо шагнул к ним.

<http://bllate.org/book/20787/2087681>